

А.В. ВЕРЕТЕВСКАЯ

**ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ МУСУЛЬМАН
В СОВРЕМЕННЫХ НИДЕРЛАНДАХ:
ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМЫ***

За последнее десятилетие в целом ряде западноевропейских стран произошла смена политических установок относительно интеграции инокультурных иммигрантов: Австрия, Германия, Дания, Великобритания и некоторые другие государства во многом пересмотрели свои подходы к этой группе меньшинств. Однако, пожалуй, нигде смена типа интеграционной парадигмы не была настолько кардинальной, как в Нидерландах. За 10–15 лет из государства, пропагандирующего сохранение культурных различий, воплощающего собой принцип веротерпимости и демонстрирующего высочайшие показатели культурной толерантности, Голландия превратилась в сторонника жесткой ассимиляционной политики.

Попытки объяснить, почему за столь короткий период времени голландское общество перешло от всесторонней поддержки особой культурной идентичности, в частности иммигрантов-мусульман, к их обвинениям в исповедании «отсталой»¹ религии, отказе интегрироваться в голландское общество и неприятию голландских культурных ценностей, чаще всего заканчиваются кон-

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-03-00284 «Мусульмане в современной Европе: проблемы и перспективы политической интеграции».

¹ «Отсталой» религией ислам назвал нидерландский политический деятель Пим Фортейн в нашумевшем интервью газете «Фолксскрант». См.: [Pim Fortuyn op herhaling: «De islam is een achterlijke cultuur», 2002].

статацией неэффективности голландского мультикультурализма. Так, находящиеся у власти в Нидерландах политические деятели правого толка склонны считать, что в возникновении «параллельного» мусульманского общества, практически не имеющего связей с культурным большинством, «повинен» ошибочный мультикультурный подход, главенствовавший в голландской политике в отношении меньшинств с конца 1960-х годов вплоть до начала XXI в.¹

Вопрос о причинах изменения интеграционной парадигмы в Нидерландах, не исчерпываясь популистской политической риторикой, остается открытым и, безусловно, заслуживает более пристального внимания.

Проблема интеграции иммигрантов-мусульман возникла в Нидерландах недавно – в начале 2000-х годов. В голландском политическом дискурсе ей предшествовали проблемы этнических меньшинств (1980-е – середина 1990-х годов), еще ранее – проблемы устройства трудовых мигрантов и беженцев на временное жительство.

Формирование мусульманских сообществ в Нидерландах

Иммигранты мусульманского вероисповедания стали массово прибывать в Голландию еще в 1960-х годах. Голландия, испытывающая в это время нехватку неквалифицированной рабочей силы, заключила двусторонние договоры с рядом стран, где на тот момент уровень безработицы был достаточно высок. Так в Нидерландах появились трудовые мигранты из Турции и Марокко. Десятью годами позже в результате данного властями разрешения на воссоединение семей они создали свои этнические сообщества. В 1975 г. голландская колония Суринам обрела независимость, следствием чего стал новый приток иммигрантов. С 1980-х годов каналы мусульманской иммиграции стали очень разнообразными. Многие прибывали как беженцы, кто-то просил политического убежища, кто-то приезжал на работу, а практика воссоединения семей дополнилась практикой ввоза невест из мусульманских стран. В итоге на начало XXI в. в Голландии насчитывалось около

---

¹ Самым известным современным критиком мультикультурализма на политической арене Голландии является сегодня Гирт Виддерс. См.: [Netherlands Islam Freedom: Profile of Geert Wilders, 2011].

1,6 млн. иммигрантов «незападного происхождения», как значилось в отчетах голландского статистического бюро [Migration, citizenship, ethnos, 2006, p. 122], что составляло примерно десятую часть населения. Количество собственно мусульман среди иммигрантов первого поколения точно неизвестно, поскольку официальных опросов на эту тему не проводилось. Еще меньше достоверной информации о количестве мусульман среди второго и третьего поколений иммигрантов. Как правило, приблизительное количество мусульман в Нидерландах определяется на основании численности этнических групп, традиционно исповедующим ислам, – самыми крупными среди них являются турецкая, марокканская и суринамская диаспоры (средняя численность каждой из них – от 300 до 350 тыс. человек). В соответствии с этим принципом, в Голландии на сегодняшний день проживают самое меньшее 1 млн. мусульман.

У большинства иммигрантов первого поколения, не говоря уже о втором и третьем, есть голландские паспорта. Выходцы из бывших голландских колоний получают голландские паспорта автоматически; все остальные до недавнего времени получали их согласно достаточно либеральным законам о натурализации (которые, в частности, негласно разрешали двойное гражданство)¹. Только около 4% постоянных жителей Голландии не имеют голландского гражданства. Впрочем, в отличие, например, от Франции, наличие гражданства не рассматривается в Голландии как безусловный критерий принадлежности к голландскому обществу, в качестве которого в последнее время выступают «голландские культурные ценности», все чаще противопоставляемые традиционным ценностям мусульман.

«Пилларизация» vs мультикультурализм

С 1970-х до середины 1990-х годов основным «разделителем» голландского общества выступала этническая принадлежность. Характерная для государства вертикальная стратификация («пилларизация») [Lijphart, 1975], включавшая в том числе разделение по религиозному признаку (на католиков и протестантов), к

---

¹ О политических дебатах в отношении разрешения двойного гражданства см.: [De Hart, 2004].

1960-м годам во многом изжила себя вследствие секуляризации общества [Dekker, Ester, 1996]. И если до середины 1960-х годов выходцы из колоний должны были интегрироваться в одну из существующих вертикальных страт, то к концу 1970-х годов трудовые мигранты и их семьи, а также продолжавшие прибывать представители бывших колоний подпали уже под политику иного рода, которую в политической науке чаще всего называют мультикультурализмом.

Некоторые авторы подчеркивают преемственность между голландским мультикультурализмом и практикой пилларизации и даже ставят между ними знак равенства [см.: Prins, 2000, p. 13]. Мы солидарны с теми исследователями, которые полагают, что мультикультурализм в Голландии, хотя и совпадал по ряду характеристик с пилларизацией, не был ей тождествен [Schrover, 2010]. Так, Х. Гораша указывает, что основные вертикальные страты голландского общества – католическая и протестантская – всегда представляли собой значительные как по размеру, так и по уровню политического, экономического и культурного влияния неэтнические группы внутри голландского общества, в то время как «целевая аудитория» политики мультикультурализма – это небольшие этноконфессиональные группы, не обладающие, как правило, каким-либо значимым влиянием на общество в целом и даже не воспринимаемые им как составная часть [Ghorashi, 2006, p. 6]. Таким образом, если в случае пилларизации речь шла о некоей балансирующей системе, позволявшей разным стратам сосуществовать внутри одного общества, влияя на его политические, экономические и социальные характеристики, то голландский мультикультурализм ограничивался только защитой иммигрантских меньшинств от культурной ассимиляции. Никакого значимого (тем более – равного) политического, экономического или культурного влияния на общество в целом со стороны меньшинств он никогда не предполагал.

Политика мультикультурализма в Нидерландах послужила реакцией государства на то, что приехавшие в страну инокультурные иммигранты, изначально воспринимавшиеся как временное явление, в большинстве своем не торопились уезжать, что стало очевидным уже в конце 1970-х годов. Голландское правительство в 1983 г. приняло официальное решение об организации постоянного проживания иммигрантских этнических сообществ, которые

в том же году получили официальное название «меньшинства»¹. Была разработана также специальная государственная «политика в отношении меньшинств» (термин «мультикультурализм» в официальной политической риторике того времени не использовался).

До начала реализации этой государственной политики ответственность за устройство инокультурных иммигрантов должны были нести их работодатели. Они достаточно быстро передали непосредственное исполнение этой задачи в руки церковных (преимущественно – католических) благотворительных организаций, у которых к тому времени уже была налажена система взаимодействия с другими иммигрантами – репатриантами из бывшей Ист-Индии. Сначала эта «непрофильная» работа благотворительных организаций оплачивалась работодателями (которые получали за это льготы), однако постепенно государство переняло инициативу у благотворительных организаций, руководствуясь соображением эффективности.

Важную роль в процессе взаимодействия между властью и трудовыми мигрантами (а позже – инокультурными иммигрантами вообще) играли и специально созданные «фонды благоденствия трудовых мигрантов», которые государство также со временем взяло на полное финансовое обеспечение. Эти фонды вытеснили другие организации из процесса взаимодействия с инокультурными иммигрантами, сделав государство монополистом в вопросе определения места иммигрантских сообществ в структуре голландского общества².

На практике политика в отношении меньшинств выражалась в финансовой поддержке государством проектов по сохранению их культурной идентичности, а также в единичных инициативах

---

¹ В правительственном меморандуме по этому поводу определения «меньшинства» не содержалось, так как политики, участвовавшие в его составлении, не смогли договориться, каким оно должно быть. При этом меморандум включал в себя список меньшинств, на которые будет направлена соответствующая политика: в него попали по этническому признаку наиболее «проблемные», с точки зрения правительства, иммигрантские сообщества; китайцы, например, в этот список не попали. См.: [Proceedings of the Dutch Lower House., 1983; Molleman, 2003].

² Хороший пример того, как происходил процесс монополизации государством каналов взаимодействия с трудовыми мигрантами, см.: [Schrover, ten Broeke, Rommes, 2008].

по решению их бытовых проблем. Уже в тот период государство стремилось свести до минимума влияние на «свои» меньшинства как со стороны стран происхождения, так и со стороны возникавших в самой Голландии «низовых» иммигрантских организаций.

Через уже упомянутые выше фонды благоденствия, являвшиеся, как пишет М. Схровер, «организациями для иммигрантов, но не организациями иммигрантов»¹ [Schrover, 2010, p. 341], государство определяло, на какие проекты следует выделять денежные субсидии.

Получить финансирование различных проектов можно было только через одобрение какого-либо фонда, выдаваемого при условии соответствия проекта формальным критериям (разрабатываемым, как правило, без консультаций с заинтересованными сторонами). При такой системе субсидирования инициативы, идущие снизу, от самих иммигрантских сообществ, редко оказывались приоритетными, в отличие от инициатив, идущих сверху².

Так, например, в середине 1970-х годов государством был создан проект о включении родного языка в школьную программу для детей иммигрантов. Госслужащие посчитали, что замена некоторых обязательных дисциплин родным языком и основами культуры является более целесообразной и дешевой, чем субсидирование внеклассных занятий, о чем просили родители. К тому же в стенах школы программу и процесс преподавания можно было контролировать. В результате несколько лет родители-иммигранты составляли петиции, чтобы их детям позволили учиться по той же программе, по которой учились коренные голландцы, справедливо опасаясь отставания по тем предметам, за счет которых было введено изучение родного языка и культуры. Добиться отмены обязательных занятий по родному языку в то время удалось только итальянской диаспоре. Остальные дети еще десяток лет вынуждены были учиться в так называемых «концентрационных школах», где преподавался соответствующий язык. Дети коренных голландцев по понятным причинам в таких школах не учились³.

---

¹ В 1975 г. по инициативе министра труда была предпринята попытка частично заменить работавших в них коренных голландцев представителями иммигрантских сообществ, однако отделы кадров этих организаций не смогли найти достойных кандидатов

² О системе субсидий см.: [The integration of ethnic minorities..., 2005].

³ Об этом и ряде других примеров см.: [Scholten, 2008].

С середины 1970-х до середины 1980-х годов представители меньшинств несколько раз пытались изменить принципы «поддержки» своей идентичности. Так, в определенный момент «иммигрантские советы», созданные с участием иммигрантов, начали конкурировать с фондами за субсидии¹. Однако хотя в советы, в отличие от фондов, входили некоторые представители меньшинств, они не занимали руководящих должностей. К тому же советы, имея ярко выраженную левую идеологическую направленность, всячески противились любым проектам, содержащим поддержку религиозной идентичности [Landman, 1992].

Голландский мультикультурализм и мусульмане

В сохранении своей культурной идентичности мусульмане не могли рассчитывать на политику в отношении меньшинств, так как они не являлись признанным в Голландии меньшинством (список меньшинств, содержащийся в Меморандуме 1983 г., был организован по этническому принципу). Следовательно, они не могли представлять проекты для получения субсидий через фонды: на такие проекты политика в отношении меньшинств формально не распространялась [Molleman, 2003, p. 63]. Советы же отказывались рассматривать проекты религиозного содержания по идеологическим причинам. В конечном счете государственное финансирование религиозных проектов через фонды оказывалось возможным при условии их нерелигиозного обоснования, что значительно усложняло задачу и стимулировало поиски альтернативных путей ее решения.

Есть свидетельства, что голландское правительство все же было озабочено необходимостью наладить контакты с представителями меньшинств мусульманского вероисповедания (к этому мы вернемся ниже), однако выбранный в качестве основного метод поддержки меньшинств заставляет задуматься относительно целей такой поддержки. Система, в которой субсидии выделяются только на проекты для неизменного списка меньшинств, одобряемые дотируемые государством организациями, обречена быть неповоротливой, плохо реагирующей на реальные потребности мень-

---

¹ Такие советы были созданы в 1973 г. в Утрехте, в 1974 – в Дордрехте, в 1976 – в Гауде и в 1978 г. – в Делфте.

шинств, неспособной учитывать динамику изменений. Следствием такой системы является стереотипизация восприятия обществом меньшинств и их потребностей: из года в год субсидии получают одни и те же организации (организации светского типа с выражено неполитической повесткой дня) для проведения одних и тех же привычных бюрократии мероприятий (чаще всего – фольклорного характера). Культурное большинство в итоге живет с иллюзией того, что понимает потребности меньшинств и помогает их удовлетворить.

К концу 1990-х годов неэффективность политики в отношении меньшинств начала становиться очевидной. В адрес голландского мультикультурализма, как неофициально назывался этот подход, раздались первые критические замечания¹. Правда, критика касалась только результата: в Голландии сложилось «параллельное общество», не имеющее серьезных каналов взаимодействия с культурным большинством и его политическими институтами. Сколь-нибудь глубокого анализа причин возникновения такой ситуации критические статьи этого периода не содержат, но в них появляется ставший позднее ведущим мотив обвинения меньшинств в провале собственной интеграции.

В начале 2000-х годов на фоне растущей во всем западном мире исламофобии неудачи мультикультурализма в Голландии все чаще начинают связываться в голландском общественном дискурсе с «мусульманским сообществом». Убийство политика Пима Фортейна, прославившегося критикой мультикультурализма и своими антииммигрантскими взглядами, а также последовавшее двумя годами позже убийство Тео Ван Гога – журналиста и режиссера, также открыто выражавшего свою нетерпимость в отношении незападного образа жизни и мыслей, стали широко представляться как столкновение цивилизаций по Хантингтону [Essed, Nimako, 2006, p. 304].

До 2000-х годов тематика мусульманского сообщества мало проблематизировалась в голландской политике. Как мы писали выше, голландское правительство больше ориентировалось на выстраивание отношений с иммигрантскими сообществами по этническому признаку. Однако несмотря на то что в категорию мень-

---

¹ См., например, нашумевшую статью П. Схеффера «Мультикультурная трагедия»: [Scheffer, 2000].

шинств мусульмане не вошли, правящие элиты все-таки периодически задумывались о необходимости налаживания политических контактов с мусульманами.

Свидетельством некоторой озабоченности этим вопросом может, в частности, служить тот факт, что парламент Нидерландов, отменив дотации на сооружение христианских церквей в 1975 г., оставил право за мусульманами обращаться к государству за финансированием строительства молельных домов (вплоть до 1986 г. в разных редакциях соответствующая статья сохранялась). Также мусульмане формально – наравне с католиками и протестантами – получили право создавать общеобразовательные школы со своим религиозным компонентом. В реальности создание новых школ было сопряжено с трудностями, так как сталкивалось с массовыми протестами жителей близлежащих районов. Демократические голландские власти в таких случаях старались не настаивать на тезисе равенства культур.

Главным же направлением деятельности голландских властей по отношению к мусульманам до 2010-х годов было стимулирование создания зонтичной организации, которая объединяла бы всех мусульман и стала бы площадкой для контакта с ними [Muslims in the West., 2002]. Создание такой организации также вызвало серьезные трудности.

Мусульманское сообщество в Голландии никогда не было достаточно однородным, чтобы объединиться. Иммигранты мусульманского вероисповедания, помимо Турции, Марокко и Суринама, прибывали также из Ирана, Ирака, Афганистана, Сомали, бывшей Югославии и других стран. Они говорили на разных языках, к тому же исламские традиции у них различались. Часть из них принадлежала к суннитам, часть – к шиитам, а иммигранты из Суринама в основном принадлежали к так называемым ахмадитам, которых сунниты и некоторые шииты считают «вышедшими из ислама» (Maulana, Al-Qaderi, 2000, p. 1–2). Тем не менее голландским властям удалось продвинуть свой проект: в 1975 г. было создано первое объединение мусульманских организаций, объявленное «всемусульманской» организацией, – ФОМОН¹. Это объединение не включало в себя ахмадитов. Оно просуществовало до 1980 г.

---

¹ Federatie van moslim organisaties in Nederland: FOMON (дословно: Федерация мусульманских организаций Нидерландов).

В 1981 г. место ФОМОН заняла МОН¹, которая, в свою очередь, просуществовала только два года. Одновременно в Голландии возникло еще несколько организаций, претендовавших на большую репрезентативность, что не соответствовало действительности [Shadid, van Koningsveld, 1997]. Ни одна из них не просуществовала более пяти лет.

После убийств Фортейна и Ван Гога правительство с удвоенной силой взялось за создание организации, через которую можно было бы наладить диалог с мусульманским сообществом. В 2004 г. была учреждена ЦМО², представляющая только суннитов. Исследования, дважды проводившиеся администрацией для выяснения степени репрезентации мусульман, не предоставили поводов для оптимизма. Несмотря на это, правительство продолжает обращаться к этой организации каждый раз, когда нужно узнать мнение мусульманского сообщества по какому-либо вопросу или получить одобрение каких-либо мер. Но подлинный диалог между властями (и культурным большинством в их лице) и мусульманами в Голландии не налажен.

«Ассимиляция по умолчанию»

Можно сделать вывод, что, монополизировав каналы взаимодействия с меньшинствами (как этническими, так и конфессиональными), государство продемонстрировало весьма ограниченные способности к непосредственной организации этого взаимодействия. Однако голландское общество не склонно обвинять свою власть (тем более – демократическую власть, которая в Голландии, являющейся консолидированной демократией, в достаточной мере отражает настроения большинства населения) в недостаточности усилий по организации процесса интеграции этноконфессиональных меньшинств вообще и мусульманского сообщества в частности. Ответственность за низкую эффективность интеграции возлагается на самих «интегрирующихся», т.е. на иммигрантов,

---

¹ Stichting Federatie Moslim Organisaties in Nederland: МОН (дословно: Официальная федерация мусульманских организаций Нидерландов).

² Contactorgaan Moslims en Overheid: СМО (дословно: Организация для контактов между мусульманами и правительством).

равно как и ответственность за организацию социальных лифтов для себя и своих детей.

Так, в частности, курсы голландского языка и культуры, которые в 1990-е годы были введены в качестве меры интеграционной помощи [Michalowski, 2004], сегодня не только обязательны для всех иммигрантов, претендующих на натурализацию, но еще и должны быть оплачены ими самими. Причем качество преподавания на этих курсах осталось столь же низким, как и прежде. Парадоксально, но иммигранты не могут влиять на содержание и качество тех курсов, которые они должны оплачивать.

Вторым показательным примером может служить практика централизованного распределения детей по школам различного уровня (от тех, которые готовят своих выпускников для высших учебных заведений, до тех, программа которых предполагает получение только среднего или среднего специального образования). Такое распределение происходит без послаблений на владение голландским языком для детей иммигрантов. При этом сильные общеобразовательные школы, номинально принадлежащие к одной из христианских страт, имеют формальное право отказывать в приеме учеников из иммигрантских семей, которым все же удалось набрать необходимые для поступления баллы, на основании «несоответствующей» религиозной принадлежности. В результате количество иммигрантских детей, обучающихся по программе, которая нацелена на последующее высшее образование, растет медленно [De Veer, 2004, p. 26–42].

При приеме на работу работодатель не получает льгот, если вдруг решает взять иммигранта, которому необходимо время на приспособление к новым для него требованиям. А поддержание культурной идентичности официально признано личным делом каждого. Формально ни работодатели, ни государство не обязаны предоставлять мусульманам возможности работать в согласии со своим мировоззрением. Отпуск во время религиозных праздников теперь можно получить только случайно, а несоответствующую голландским традициям одежду следует носить дома (потому что такого рода одежда «дискриминирует» работника в глазах работодателя).

Иными словами, если раньше (в 1970-х – начале 1990-х годов) голландское общество в лице своего государства хотя бы формально пыталось участвовать в организации шадящей интеграции этноконфессиональных меньшинств, то сегодня оно на ин-

ституциональном уровне самоустранилось из этого процесса, ограничиваясь устными напутствиями инокультурным иммигрантам перенимать голландские культурные ценности¹. Современная политическая теория классифицирует такой подход как «ассимиляцию по умолчанию» [см., например: Alba, Nee, 2005, p. X–XI]: у иммигрантов просто не остается других возможностей выжить в стране, кроме как отказавшись от своей особой культурной (а значит, потенциально – политической) идентичности.

Как мы писали выше, наиболее частым объяснением такой смены политического курса голландских властей в отношении меньшинств называется низкая эффективность предложенной ранее мультикультурной программы интеграции иммигрантов. Такое объяснение выглядит поверхностным: непонятно, почему эта неэффективность стала очевидной только сейчас, а на протяжении почти 50 лет голландцы исправно выделяли субсидии на неэффективные программы. Для консолидированной демократии такой срок проведения неэффективной политики слишком велик. Следовательно, должны существовать более глубокие причины.

Факторы неэффективности голландского мультикультурализма

Одной из причин неэффективности мультикультурализма, на наш взгляд, является стагнация голландской экономики – состояние, в котором она пребывает уже десять лет, – ровно столько, сколько голландские политики критикуют мультикультурализм. Тот факт, что ухудшение экономической ситуации провоцирует рост антииммигрантских настроений в обществе (озабоченность демпинговым уровнем зарплат и возможными претензиями со стороны иммигрантов на сокращающееся количество рабочих мест

---

¹ Вопрос о том, что такое голландские культурные ценности и голландская идентичность, – дискуссионный. Консенсуса по этому поводу в голландском обществе нет. Основная проблема с определением голландской идентичности связана, по всей видимости, с тем, что большая часть символических ее элементов, которые представляются значимыми для коренного населения, возникла менее 100 лет назад. Вторая значимая проблема связана с изжившей себя политически, но оставившей значимое культурное наследие пилларизацией: представители различных страт называют разные элементы в качестве значимых [см.: Schrover, 2010, p. 351–359].

обратно пропорциональны темпам экономического роста), – общее место теории интеграции. Если учитывать, что голландская экономика с начала 1980-х годов, как в большинстве развитых стран Запада, перешла в стадию сервис-ориентированной, то станет понятным, почему значительной части иммигрантов, ранее занятых в производственных секторах, остается либо претендовать на требующие большей квалификации рабочие места в непроизводственной сфере, либо жить на пособие. И то и другое вызывает негативные эмоции у коренного населения и способствует росту популярности политиков, выдвигающих антииммигрантские лозунги.

Еще одной причиной можно назвать высокую степень концентрации иммигрантов (90% живут в крупнейших городах – Амстердаме, Утрехте, Гааге). Само по себе число иммигрантов в Голландии недостаточно велико для того, чтобы спровоцировать недовольство коренного населения. Однако тот факт, что в крупных городах есть районы, где почти не осталось коренных голландцев, где на улице, в магазинах и кафе звучит чужая речь, а люди одеваются как на Ближнем Востоке, вызывает у либеральных голландцев страх, что скоро так будет выглядеть вся Голландия. Этот страх стимулируется данными социологических исследований, которые свидетельствуют, что дети иммигрантов отдают предпочтение культуре своих родителей, а не культуре страны, в которой они родились и выросли¹. Голландское большинство, как оказалось, готово мириться с «особостью» меньшинств до тех пор, пока эти меньшинства остаются меньшинствами. Почувствовав себя в относительном меньшинстве, коренные голландцы начинают паниковать.

Третья причина, о которой, на наш взгляд, стоит упомянуть, напрямую связана с первыми двумя. Она заключается в относительном росте политического самосознания представителей этноконфессиональных меньшинств в Голландии, о котором можно

---

¹ См., например: [Moslim in Nederland, 2004]. Интересно, что это и другие подобные исследования очень редко цитируются в той их части, где ученые отмечают, что, когда вопросы в анкетах сформулированы так, что «культура родителей» и «культура Голландии» не противопоставляются прямо (и нужно выбрать только что-то одно), ответы молодых выходцев из иммигрантской среды свидетельствуют о высокой степени принятия либеральных свобод и в целом мало отличаются от ответов коренных голландцев того же возраста.

судить хотя бы по остроте комментариев, которые они дают прессе на тему изменения курса голландской политики в их отношении. Прожив в стране уже достаточно долгое время, в полной мере столкнувшись с ее политикой в отношении меньшинств, экономическими проблемами и бытовыми проявлениями нетерпимости, иммигранты первого, второго и третьего поколений оказались близки к формулированию политических целей и осознанию того, что их реализация потребует от них политической активности. Иными словами, иммигрантские сообщества начали демонстрировать готовность, хоть и не консолидированно, но все же заявить о своих правах, в частности о праве на самостоятельное определение образа жизни и праве на экономические блага, которыми обладает коренное население. Голландское культурное большинство к этому не готово.

Можно назвать также другие, менее значимые причины, однако и перечисленных довольно, чтобы усомниться в том, насколько правдива официальная позиция властей. Предлагаемая в качестве универсального объяснения низкой степени интегрированности иммигрантских меньшинств неэффективность мультикультурной программы интеграции больше всего походит на политкорректный предлог для теперь уже открытого отказа меньшинствам (а в их числе – особенно пугающему коренных голландцев своей возможной политической активностью мусульманскому сообществу) в праве интегрироваться на условиях, отличных от тех, которые монополю определяет культурное большинство Голландии.

Наше мнение подтверждает тот факт, что голландские политики настойчиво игнорируют результаты неоднократно проводившихся по инициативе самих же голландских властей исследований (в том числе, парламентских расследований) эффективности осуществлявшейся с 1970-х по середину 1990-х годов шадящей интеграционной политики. Вывод большинства этих исследований сводится к тому, что эта политика «давала умеренно положительные результаты»¹.

---

¹ Самое известное из таких исследований – исследование парламентской комиссии под руководством С. Блока 2004 г. [подробнее см.: Migration, citizenship, ethnos, 2006, p. 121–144].

Перспектива для параллельного общества

Сможет ли голландское общество на современном этапе заставить свои меньшинства интегрироваться только на своих условиях – вопрос, окончательный ответ на который даст будущее. Если в попытке дать предварительный ответ ориентироваться на опыт других государств, столкнувшихся с аналогичной проблемой раньше (таких, как Канада или Австралия), то с большой вероятностью можно предполагать, что ответ будет отрицательным. Это значит, что процесс интеграции для инокультурных иммигрантов, и в частности мусульман, в ближайшее время будет особенно сложным, так как он предполагает отказ от первичной идентичности – что трудноосуществимо. Поэтому параллельное общество продолжит свое существование, а многие его члены будут обречены оставаться в нем навсегда. Официальный отказ от мультикультурализма означает, что «среднего» пути больше нет.

Литература

- Alba R.D., Nee V.* Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 2005. – 384 p.
- De Beer P.* Insluiting en uitsluiting: de keerzijden van de verzorgingsstaat // Grenzeloze solidariteit. Naar een migratiebestendige verzorgingsstaat. – Amsterdam: De Balie, 2004. – 420 p.
- De Hart B.* Political debates on dual nationality in the Netherlands, 1990–2003 // IMIS – Beiträge. – Osnabrück, 2004. – Vol. 24. – P. 146–162.
- Dekker P., Ester P.* Depillarization, deconfessionalization, and de-ideologization: empirical trends in Dutch society, 1958–1961 // Review of religious research. – N.Y., 1996. – N 37 (4). – P. 325–341.
- Essed Ph., Nimako K.* Designs and (co)incidents. Cultures of scholarship // International journal of comparative sociology. – L., 2006. – Vol. 47, N 3–4. – P. 281–312.
- Ghorashi H.* Paradoxen van culturele erkenning. Management van diversiteit in Nieuw Nederland. – Amsterdam: Vrije univ., 2006. – 67 p.
- Landman N.* Van mat tot minaret. De institutionalisering van Islam in Nederland. – Amsterdam: VU uitgeverij, 1992. – 386 p.
- Lijphart A.* The politics of accommodation. Pluralism and democracy in the Netherlands. – Berkeley: Univ. of California Press, 1975. – 231 p.
- Maulana G.R., Al-Qaderi A.* Ahmadiyya's zijn geen moslims. Verzamelde krantenartikelen. – Amsterdam, 2000. – 276 p.
- Michalowski I.* Integration programs for newcomers: a Dutch model for Europe? // IMIS – Beiträge. – 2004. – Vol. 24. – P. 163–175.

- Migration, citizenship, ethnos: Incorporation regimes in Germany, Western Europe and North America / Bodemann Y.M., Yurdakul (eds.). – N.Y.: Palgrave McMillan, 2006. – 272 p.
- Molleman H.* De drie I's: Immigratie, integratie, Islam. Het minderhedenbeleid in retrospectief // *Socialisme en democratie*. – Deventer, Netherlands, 2003. – N 1–2. – P. 62–66.
- Muslim in Nederland / Phalet K., ter Wal J (eds.). – Den Haag/Utrecht: SCP/ Ercomer, 2004. – Mode of access: <http://www.ercomer.org/publish/reports/RotIslam.html> (Дата посещения: 29.12.2012.)
- Muslims in the West: from sejourners to citizens / Yazbeck Haddad Y. (ed.). – Oxford: Oxford univ. press, 2002. – 336 p.
- Netherlands Islam Freedom: Profile of Geert Wilders. – 2011. – 23 June. – Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11443211> (Дата посещения: 29.12.2012.)
- Pim Fortuyn op herhaling: «De islam is een achterlijke cultuur». *Volkskrant van zaterdag 9 februari 2002*. – Mode of access: <http://www.volkskrant.nl/vk/nl/2824/Politiek/article/detail/611698/2002/02/09/De-islam-is-een-achterlijke-cultuur.dhtml> (Дата посещения: 29.12.2012.)
- Prins B.* Voorbij de onschuld. Het debat over de multiculturele samenleving. – Amsterdam: Van Gennep, 2000. – 218 p.
- Proceedings of the Dutch Lower House, session 1982–1983, 16102, N 20–21 / Ministerie van Binnenlandse Zaken, «Minderhedenotta». – 1983. – September.
- Shadid W., van Koningsveld P.* Muslims in Nederland. Minderheden en religie in een multiculturele samenleving. – Houten: Bohn Stafleu Van Loghum, 1997. – 168 p.
- Scheffer P.* Het multiculturele drama // *NRC Handelsblad*. – 2000. – 29 Januari.
- Scholten P.* Constructing immigrant policies. Research-policy relations and immigrant integration in the Netherlands, 1970–2004: PhD Thesis / Univ. of Twente. – Nijmegen: Printpartners Ipskamp, 2008. – eBook.
- Schrover M.* Pillarization, multiculturalism and cultural freezing // *BMGN: the low countries historical review*. – Den Haag, 2010. – Vol. 125, N 2–3. – P. 329–354.
- Schrover M., ten Broeke J., Rommes R.* Migranten bij de Demka-staalfabrieken in Utrecht, 1915–1983. – Utrecht: Stichting Matrijs, 2008. – 184 p.
- The integration of ethnic minorities into political culture: the Netherlands, Germany and Great Britain compared // *Acta Politica*. – Basingstoke, 2005. – Vol. 40. – P. 50–73.